

Содержание

Вместо вступления

Леонид Люкс

Стремление «забытой» части старого континента к «возвращению в Европу» на примере послеялтинской Польши, Евромайдана и Русских европейцев 7

I. Контекст, развитие и значение Евромайдана: первые краткие наблюдения и толкования (I)

Антон Шеховцов

Украинская революция – европейская и национальная 27

Андреас Умланд

Недопонимая Украину, переоценивая Россию: Европейский союз и возникновение украинского кризиса 2013 г. 31

Андрей Портнов

Украинская «еврореволюция»: хронология и интерпретации 39

Алексей Полтораков

Функциональная динамика Евромайдана (ноябрь 2013 г. – январь 2014 г.) 54

Михаил Минаков

Утопические образы Запада и России у сторонников Евромайдана и их противников: элементы идеологического оформления конфликта в Украине 2013-2014 годов 61

Максим Яковлев

«Майдан» и «антимайдан» в социальных сетях: характеристики интерпретационных рамок 74

Кирилл Галушко, Наталья Зорба

Социальные сети на фоне Евромайдана: первые результаты экспертного опроса конца 2013 – начала 2014 гг. 84

Татьяна Безрук

По одну сторону баррикад: наблюдения о радикальных
правых и левых на киевском Евромайдане 90

II. Русские европейцы (1)

Владимир Кантор

Федор Степун: хранитель высших смыслов, или Сквозь
все катастрофы XX века 97

Леонид Люкс

В защиту демократии: Георгий Федотов о характере русской
революции и о европейском кризисе первой половины 20-го века 118

Михаил Блюменкранц

Между министерством Правды и министерством Любви:
о творчестве Г.С. Померанца (1918-2013) 153

Марк Харитонов

Музыка сквозь скрип: Памяти Григория Померанца 160

III. Русоцентризм в сталинском и послесталинском Советском Союзе

Александр Дубровский

Главная песня, или Государственный гимн СССР 167

Геннадий Костырченко

Постсталинская оттепель и генезис «Русской партии» 184

Джонатан Брунстедт

Роль официального увековечения памяти о Великой Отечественной
войне в разработке концепции «советского народа» 194

Николай Митрохин

«Антисионисты» и неоязычники в русском националистическом
движении СССР 1960-х – 1970-х гг. 214

IV. Антизападные идеологические течения в постсоветской России и их истоки (9)

Билл Бауринг

Между западничеством и славянофильством: подходы к интерпретации российской идеологической истории 233

Наталья Иванова

Русский писатель открывает и закрывает Запад 247

Арсений Хитров

Империализм и национализм в романе Захара Прилепина *Санька* 255

Ульрих Шмид

«Наши» – молодежь Путина. Советская традиция и политическое концептуальное искусство 281

Александр Хельверт

Антиутопический роман *День опричника* Владимира Сорокина и «Новая опричнина» Александра Дугина 294

Михаил Суслов

«Святая Русь»: геополитическое воображение в современной Русской Православной церкви 311

Стивен Хатчингс, Вера Тольц

Линии разрыва в российском национальном дискурсе: телевизионное освещение московских беспорядков декабря 2010 года 328

V. Постсоветское пространство

Пол Колсто

За пределами России: Пути адаптации русских бывших советских республик к распаду СССР в 1991-2011 гг. 361

VI. Немецкая восточная политика

Фабриан Буркхардт

Неопатримониализация вместо модернизации: политика Германии
в отношении России и «откат» 387

Якоб Мишке, Андреас Умланд

«Нет выхода без России»? О возвращении Франка-Вальтера
Штайнмайера в МИД Германии и будущем политики Берлина
по отношению к Украине 400

VII. Дискуссия о тоталитаризме: к 90-летию прихода итальянских фашистов к власти

Валерий Михайленко

Итальянский фашизм 90 лет спустя: актуальность
исторического феномена – Интервью с проф. В.И. Михайленко
(Уральский федеральный университет) 405

Леонид Люкс

Итальянский фашизм и национал-социализм: Краткая заметка
о параллелях и различиях (По поводу интервью проф. В. И.
Михайленко) 418

Валерий Михайленко

Итальянские историки и фашизм: интервью с
Ренцо Де Феличе 421

VIII. Рецензии

A. James Gregor: *Totalitarianism and Political Religion:
An Intellectual History* (Андреас Умланд) 433

Коротко об авторах 437

Коротко об авторах

Билл Бауринг, юрист, Колледж Биркбек Лондонского университета

Татьяна Безрук, политолог, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Михаил Блюменкранц, философ, Мюнхен

Джонатан Брунстедт, историк, Университет штата Юта, США

Фабиан Буркхардт, политолог, Мюнхенский университет, Бавария

Александр Дубровский, историк, Брянский государственный университет им. академика И.Г. Петровского

Кирилл Галушко, историк, Национальный педагогический университет им. М.П. Драгоманова, Киев

Владимир Кантор, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Пол Колсто, политолог, Университет Осло, Норвегия

Геннадий Костырченко, историк, Институт российской истории РАН, Москва

Леонид Люкс, историк, Католический университет г. Айхштетт, Бавария

Михаил Минаков, философ, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Николай Митрохин, историк, Исследовательский центр Восточной Европы, Бремен

Валерий Михайленко, историк, Уральский федеральный университет имени первого Президента России Б.Н. Ельцина, Екатеринбург

Алексей Полтораков, политолог, Институт украинской политики, Киев

Андрей Портнов, историк, Берлинский университет им. Гумбольдта

Михаил Суслов, историк, Упсальский университет, Швеция

Вера Тольц, историк, Манчестерский университет, Великобритания

Андреас Умланд, политолог, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Ренцо Де Феличе (1929-1996), историк, Римский университет «Ла Сапиенца»

Марк Харитонов, прозаик, Москва

Стивен Хатчингс, культуролог, Манчестерский университет, Великобритания

Александр Хёльверт, филолог, Университет Адама Мицкевича в Познани, Польша

Арсений Хитров, философ, Национальный исследовательский университет «Высшая школа экономики», Москва

Антон Шеховцов, филолог и политолог, Университетский колледж Лондона

Ульрих Шмид, культуролог, Университет Санкт-Галлена, Швейцария

Максим Яковлев, политолог, Национальный университет «Киево-Могилянская академия»

Арсений Хитров

Империализм и национализм в романе Захара Прилепина *Санька*

Введение

С момента исчезновения Советского Союза прошло двадцать два года, однако современные российские политики, публичные интеллектуалы, критики, журналисты и писатели продолжают вести дебаты по поводу смысла, значения и значимости связанных с этим периодом символов, исторических персонажей и событий. Сам тот факт, что определенные группы считают, что безопасность и экономическая устойчивость Российской Федерации зависят от решения мировоззренческих вопросов в той же степени, как и от решения актуальных политических, экономических или социальных проблем, не удивителен. То, что проблемы прошлого и распада СССР в частности волнуют общество в той же степени, что и прагматические вопросы, – хорошо известно исследователям исторической памяти. Интереснее и важнее выяснить, какие механизмы актуализации прошлого задействованы в той или иной конкретной ситуации. Анализ конкретных случаев актуализации исторической памяти позволяет лучше понять, как именно знание о прошлом работает в качестве идеологии. Поиску и исследованию таких уникальных механизмов и посвящена данная работа. Она сфокусирована лишь на одном источнике, но источнике, на мой взгляд, значимом, на романе современного российского писателя и публициста Захара Прилепина¹ *Санька* (2006). Этот роман содержит в себе большое количество отсылок к истории России и СССР, а также описывает ситуацию на современном постсоветском пространстве в его связи с прошлым. В этой работе я попытаюсь ответить на три вопроса, касающиеся этой специфики романа. Во-первых, как именно прошлое России и Советская эпоха в частности описаны в романе? Во-вторых, описан ли момент распада СССР как событие, обладающее особым статусом – статусом значимого события? Если ответ на второй вопрос будет положительным, мой третий вопрос будет о возможности прочесть описание этого события как события трагического, болезненного и травматического. В том случае, если ответ на третий вопрос также будет положительным, я попытаюсь выяснить, является ли образ этого события картиной индивидуальной или коллективной травмы.

¹ Настоящее имя – Евгений Прилепин, другой писательский псевдоним – Евгений Лавлинский (См. Латынина А. "Вижу сплошное счастье..." // Новый Мир. 2007. № 12. http://magazines.russ.ru/novyi_mi/2007/12/la11.html. Последнее посещение 18 мая 2013 г.).

Выбранная мною формулировка второго и в особенности третьего и четвертого вопросов основывается на культуросоциологической теории культурной травмы Джеффри Александера². Александер утверждает, что сами по себе социальные события не являются травматическими, даже если они серьезным образом нарушают нормальное функционирование общества. Они приобретают статус травм в результате деятельности групп-производителей и носителей значений. Эти группы обладают таким положением в обществе и способностями к артикуляции своих позиций, что определения событий, данные представителями этих групп, становятся популярными или даже доминирующими и общепринятыми. Именно эти группы наделяют определенные социальные изменения статусом травмы. При этом важным аспектом процесса создания нарратива травмы является то, что представители этих групп говорят о травматичных или трагических последствиях неких событий не для отдельных людей, а для коллективов. Сперва представители этих групп заявляют о том, что некое событие является травматичным для них, затем они включают в число жертв более широкие общности, говоря о том, что событие должно быть травматичным также и для тех, кого оно не затронуло непосредственно³. Коллективная травма, по Александеру, – это результат рассказов об индивидуальных травмах. В отношении романа я попытаюсь понять, говорится ли в романе только о личной травме тех, кого это событие затронуло непосредственно, или же также о травме коллективной, то есть травме тех, кого оно непосредственно не коснулось.

В этой работе я попытаюсь применить эту теоретическую рамку к роману Захара Прилепина, которого я считаю представителем одной из влиятельных групп производителей и трансляторов смыслов. В эту группу можно также включить таких литературных и общественных деятелей как Эдуард Лимонов, Александр Проханов или Сергей Шаргунов. Их объединяют левые и/или националистические взгляды, оппозиционность по отношению к российской власти, а также положительная оценка советского прошлого и критическое отношение к распаду Советского Союза.

Из текстов, написанных Прилепиным, я выбрал роман *Санька*, так как именно это произведение является самым известным из всех крупных литературных произведений, написанных Прилепиным на данный момент, и именно появление этого романа стало заметным событием на российской литературной сцене. Главный редактор газеты *День литературы* Владимир Бондаренко в своем выступлении на заочном круглом столе об итогах русской литературы «нулевых», организованном журналом *Дружба Народов*, назвал роман *Санька* в ряду «самых знаменитых книг нового поколения»⁴. Роман достиг финала двух российских лите-

² Alexander J. Trauma: A Social Theory. Cambridge (UK), Malden (MA), 2012.

³ Ibid. P. 16-17.

⁴ Литературные нулевые: место жительства и работы. Круглый стол. Главные тенденции, события, книги и имена первого десятилетия // Дружба Народов. 2011. № 1. <http://magazines.russ.ru/druzhba/2011/1/kr14.html>. Последнее посещение 18 мая 2013 г.

ратурных конкурсов – «Национального бестселлера» в 2006 году и «Русского Букаера» в 2007. В 2007 году Захар Прилепин получил за этот роман литературную награду «Ясная Поляна». С 2006 года по 2013-й год роман был переиздан семь раз⁵, обогнав, таким образом, по количеству переизданий на русском языке другие три романа писателя – Патологии (2005, пять переизданий)⁶, Грех (2007, пять переизданий) и Черную обезьяну (2011, одно издание). С момента выхода романа *Санька* был переведен на семь иностранных языков: китайский, польский, французский, сербский, румынский, итальянский и немецкий. Патологии и Грех были изданы на пяти иностранных языках каждый, Черная обезьяна – только на одном. По количеству номинаций в литературных премиях с Санькой может соперничать роман Грех, который получил премию «Нацбест» в 2008 году и победил в конкурсе лучших книг десятилетия «Супернацбест» в 2011. В 2011 году известный российский театральный и кино-режиссер Кирилл Серебренников поставил спектакль «Отморозки», основанный на романе Прилепина⁷. На текущий момент это единственная театральная постановка по произведению Прилепина.

Я не рассматриваю роман *Санька* как непосредственное выражение позиции автора. Любое литературное произведение содержит в себе несколько точек зрения, некоторые из которых часто противоречат друг другу. Не всегда возможно найти среди них точку зрения, которая совпадала бы с позицией автора. Глубокий писатель, как правило, неоднозначен и противоречив, поэтому читателю бывает трудно идентифицировать в тексте его позицию как систему законченных и однозначных идей, и в данном контексте я считаю, что этого вовсе не нужно делать. Судить о позиции Прилепина можно на основании его интервью или публицистики, – но несмотря на то, что между романом, публицистикой и интервью безусловно существуют глубокие жанровые различия, все они являются не более чем текстами, то есть конструкциями, в которых содержание находится в подчиненном положении по отношению к форме, диктуемой жанром, и к языку. Дискурсивные паттерны, общие места, устойчивые, формульные выражения, разлитые в культуру, «налипают» на любое высказывание, будь то высказывание художественное, публицистическое, от первого лица или от третьего, устное или письменное, в итоге снижают степень его самостоятельности. Для того, чтобы можно было бы сказать, что интервью писателя в большей степени выражает суть и сущность его позиции, чем роман, нужно иметь возможность обратиться к позиции писателя как таковой, но она не доступна вне каких-либо других текстов. Жанр текста определяет лишь правила игры читателя с текстом: в одном случае это может быть игра в доверие к тексту, в другом – в недоверии. Поэтому я считаю, что невозможно утверждать, что интервью или публицистика Приле-

⁵ По каталогу Российской Государственной Библиотеки. Если судить по информации на официальном сайте писателя <http://zaharprilepin.ru/ru/bibliografia.html> (Последнее посещение 18 мая 2013 г.), то этот роман издавался 12 раз.

⁶ Восемь по информации на сайте писателя.

⁷ Кутловская Е. Рецензия: от "Околоноля" к "Отморозкам" // Colta.ru. 1 апреля 2011. <http://os.colta.ru/mediathek/details/21516/>. Последнее посещение 18 мая 2013 г.

пина обладают каким-то особым, привилегированным статусом по сравнению с его художественными текстами.

Данная мысль не противоречит тому, что я сказал выше о Прилепине как представителе группы производителей и трансляторов значений. Прилепин является известным писателем и публицистом с определенной позицией, и именно поэтому его тексты, в том числе художественные, привлекают внимание и могут оказывать влияние. Но привлекают внимание и оказывают влияние именно его тексты, а не он сам. Вот почему я не вижу противоречия в том, чтобы выбирать источник на основании факта известности его автора, но не рассматривать при этом этот источник как выражение авторской позиции. Его текст может выражать позицию автора, но нет оснований говорить, что он в действительности ее выражает.

Вместо того, чтобы рассматривать роман как выражение авторского замысла и авторской позиции, я буду рассматривать его как совокупность дискурсов и аргументов, лишь для удобства анализа рассмотренных как выражение позиций персонажей. В некоторых случаях я буду говорить о «теориях» тех или иных персонажей, однако это не значит, что я действительно считаю, что у них есть продуманные, обоснованные, последовательные воззрения на те или иные вопросы. Термин «теория» я использую как синоним термина «дискурс» и понимаю под тем и другим любую совокупность высказываний мировоззренческого характера, приписываемую одному персонажу романа. Я пытаюсь уделить равное внимание как форме высказываний, то есть их риторике и содержащимся в них тропам, так и содержанию, которое я намеренно принимаю всерьез, как будто бы это были положения теоретиков или экспертов. При этом большим значением для меня обладает именно теоретическое содержание текста. Такой метод прочтения романа мотивирован желанием понять, какие идеологические положения он содержит и какие нелогические, но стилистические и художественные приемы использованы в нем для оформления идеологием. Также я попытаюсь понять, усиливает ли риторика идеологию или, напротив, ослабляет ли одна другую. Эти два вопроса касаются литературной техники и методов, и я рассматриваю их как подчиненные четырем основным вопросам о том, как описано в романе прошлое, – описано ли оно как значимое событие, как событие травматическое и как коллективная травма. Если окажется, что роман действительно создает образ распада СССР как коллективной травмы, то решение вопроса о соотношении идеологии и риторики позволит лучше понять, как именно, за счет каких риторических и идеологических средств это происходит.

Не утверждаю я и того, что *Санька* – это роман о распаде СССР. Я говорю лишь то, что он может быть прочитан в этом ключе. Я обращаюсь к роману как к тексту, при одном из прочтений которого читатель может обратить особое внимание на образы Советского Союза.

В ходе анализа текста я выявил два повторяющихся контекста, обрамляющих упоминания и дискуссии об СССР. Эти контексты можно обозначить двумя кате-

гориями: империализм и национализм. Для того, чтобы пояснить, почему я оперирую именно этими категориями, мне потребуется сделать небольшое историческое и теоретическое отступление, после которого я перейду к анализу содержательных сторон этих контекстов.

Современный российский национализм и имперский синдром

Специалисты по империи обычно определяют ее как политику, основанную на территориальной экспансии, колонизации, удержании захваченных территорий, авторитарном режиме правления, централизации власти и коммуникации, а также иерархизации территорий и входящих в нее национально-этнических групп⁸. Империи распадаются, когда обмен ресурсами и информацией между перифериями и центром осложняется или прерывается. В новейшей истории этот тип политической власти исчез к середине XX века. На его месте возникли новые политические образования. Эти новые образования обычно основываются на идее суверенитета, то есть политической независимости группы людей, объединенных общим принципом – гражданством и/или идеей нации. Такие образования называются национальными государствами.

Некоторые исследователи утверждают, что после распада советской империи современная Россия так и не стала национальным государством и до сих пор находится в процессе постимперского распада⁹. Эти ученые утверждают, что особенности советской этнической политики являются причиной такого положения дел. Советское правительство создавало и манипулировало национальными культурами, языками и этническими идентичностями республик, однако не осуществляло аналогичных практик в отношении так называемого имперского ядра, то есть РСФСР. Так, например, в РСФСР не было своего ЦК Коммунистической Партии, своего отделения Академии Наук и некоторых других структур, которые существовали в других республиках.

Эта ситуация сильно повлияла на идентичности населения СССР и затем на идеи русских националистов. За советское время в СССР «вызрели более или менее жизнеспособные нации, имеющие все национальные атрибуты, собственную интеллигентскую и бюрократическую элиту и ту форму национальной государственности, которая затем легко наполнилась политическим содержанием»¹⁰. Официальный дискурс советской власти использовал метафору дома, которая

⁸ Паин Э. Россия между империей и нацией // *Pro et Contra*. 2007. Май-июнь. С. 42-59. Он же. Империя в себе. О возрождении имперского синдрома в России // *После империи* / Под ред. И. Клямкина. М., 2007. С. 102-134. Он же. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. Мотыль А. Пути империй: Упадок, крах и возрождение имперских государств. М., 2004.

⁹ Фурман Д. От Российской империи к национальному государству // *Неприкосновенный запас*. 2010. № 73 (5). <http://magazines.russ.ru/nz/2010/5/fu3.html>. Последнее посещение 18 мая 2013 г.

¹⁰ Там же.

обозначала СССР в целом. Эта метафора отражает специфику той политической структуры, которую создали большевики: в то время как все советские нации обладали своими собственными «домами», этнически русские воспринимали Советский Союз в целом в качестве своего «дома»¹¹. Как подчеркивает Дмитрий Фурман, после распада СССР российское сознание «видит в старых советских границах (в основном совпадающих с пределами Российской империи) естественные исторические рубежи "большой России"»¹². Следствием этого, по мнению Дмитрия Фурмана, является стремление Российской Федерации доминировать над постсоветским пространством, а российских националистов – совершить два несовместимых акта: создать национальное государство и восстановить империю.

Современный российский национализм далек от того, чтобы быть одномерным и гомогенным. Однако в нем все же можно различить два направления: крайне-правый, радикальный, который иногда также называют «русским фашизмом»¹³, и цивилизационный. Александр Верховский, вслед за Эмилем Паиным, называет эти два типа «этнонационализмом» и «цивилизационным национализмом» соответственно. В то время как этнонационалисты выступают за избавление от нерусских территорий, цивилизационные националисты либо озвучивают ностальгические проекты по восстановлению Святой Руси, Российской Империи или Советского Союза, либо пропагандируют идею создания некоей Евразийской Империи в будущем¹⁴.

Тем не менее, это различие не всегда оправдано, потому что некоторые российские националисты выступают за национальное государство и за империю одновременно¹⁵. Этот парадокс будет важен для понимания обеспокоенности героев Прилепина этнически русским населением Латвии.

В то время как большинство европейских стран освободили свои колонии, и представители этих государств не решаются открыто заявлять что-либо, что могло бы быть воспринято как намек на имперские амбиции, официальные представители российской власти и российские националисты, нередко говорят о России как об империи или о государстве, которое должно стать империей. Эмиль Паин назвал этот феномен «имперским синдромом»¹⁶. Он предложил теоретическую модель постимперского состояния, которая состоит из трех элементов. Первый элемент – это «имперское тело», то есть все территории Российской Федерации, «которые в действительности лишены политической субъектности и объединя-

¹¹ Там же.

¹² Там же.

¹³ Shenfield S. Russian fascism: traditions, tendencies, movements. Armonk, N.Y., 2001.

¹⁴ Верховский А. Русское националистическое движение: 20 лет после Перестройки. // Eurasian Review. 2010. № 3. P. 16.

¹⁵ Паин. Империя в себе ... С. 115.

¹⁶ Он же. Между империей и нацией. Модернистский проект и его традиционалистская альтернатива в национальной политике России. М., 2003. Он же. Россия между империей и нацией // Pro et Contra. 2007. Май-июнь. С. 42-59.

ются на основе административного принуждения, а не добровольного согласия и осознанной заинтересованности в интеграции»¹⁷. Во-вторых, это «имперское сознание», которое включает в себя «имперские амбиции» и «подданническое (негражданское) сознание». В-третьих, это «имперский порядок», который означает, что власть отделена от гражданского общества¹⁸.

Эти три категории весьма удачны, так как позволяют выделить в политической практике и риторике современной России разные типы апелляции к имперскому прошлому, однако в них отсутствует акцент на том, что само по себе подчинение одних территорий другим, властное и подданническое сознание, а также отделение власти от гражданского общества – это черты авторитарного режима. Для того, чтобы такой режим власти мог бы быть рассмотрен как имперский, он должен содержать в себе идею культурных, этнических, расовых или национальных различий.

Для ответа на главные вопросы этой работы я сосредоточусь на первом элементе имперского синдрома, то есть на имперском теле. Я буду рассматривать не сами по себе взаимоотношения различных территорий, но образ этих взаимоотношений в Саньке. При этом я буду обращать внимание на иерархизацию территорий только в связи с идеей культурных различий.

Воображаемая империя в романе *Санька*

Главный герой романа – молодой человек Александр Тишин¹⁹ – живет в маленьком провинциальном городе недалеко от Москвы и входит в состав националистического революционного движения «Союз Созидающих». Прототипом этого вымышленного движения является Национал-Большевистская Партия (НБП). «Союз Созидающих» представлен как объединение мульти-этнических (!) по своему составу групп из многих городов России, которыми руководит писатель и политический теоретик Костенко. Конкретные политические цели и задачи движения в романе не раскрыты, кроме одной – систематически противостоять существующему политическому режиму и совершить революцию. За время, которое охватывает роман, члены Союза организуют несколько экстремистских акций, которые состоят в нанесении незначительного ущерба представителям власти. В конце романа члены Союза начинают крупномасштабные уличные бои и захватывают местные администрации в нескольких городах России.

Как и некоторые другие персонажи романа, Саша живет с одинокой матерью. Отец Саши был преподавателем философии в университете, однако на момент начала действия его уже нет в живых. В романе фигурируют сашины бабушка и

¹⁷ Он же. Империя в себе С. 105.

¹⁸ Там же.

¹⁹ В романе используются также такие уменьшительно-ласкательные формы имени главного героя: «Саша», «Санька».

дедушка по отцовской линии. Они живут в деревне, на расстоянии пятисот километров от города, в котором живет Саша. Сашин дедушка обездвижен и умирает в конце романа. Разрыв между Москвой, городом, в котором живет Саша, и деревней является базовой пространственной системой координат романа. На эти оси накладываются другие две – временные – оси: советского времени и времени современной России. Таким образом, имперское тело оказывается вещью не только протяженной, но и дряхлеющей. Пространственные и временные аспекты плотно связаны друг с другом.

Основанием противопоставления являются образы территории, исторического времени, знания и коммуникации. Советская эпоха изображена как период, в который территория страны, включая этнически нерусские земли, была едина; последовательность исторических событий – последовательна и непрерывна; знание было доступно всем в равной степени; коммуникация между людьми была эффективной и содержательной. Постсоветская эпоха изображена как время распада всех этих элементов, как время дезинтеграции имперского тела, от которого остаются только разбросанные то тут, то там фрагменты и остатки.

Наибольшее количество этих остатков может быть обнаружено именно в деревне. Когда Саша просыпается там утром, он слышит, как старый радиоприемник передает звуки гимна. Образ заевшей виниловой пластинки с записанным на ней гимном может быть проинтерпретирован как метафора сломанного политического порядка²⁰. Образ вымирающей деревни выглядит как метонимия умершего Советского Союза и вымирающей России. Более того, из текста романа следует, что Советский Союз и бабушка Саши – одного возраста: когда Саша смотрит на ее фотографию, которая была сделана, как сказано в тексте, в 1933 году, он предполагает, что в тот момент ей было шестнадцать лет, что означает, что она родилась в 1917 году²¹. Эта метонимия базируется на идее отношений родства, устанавливая постсоветские поколения в такое же биологически-родственное отношение к Советскому Союзу, в каком Саша находится в отношении своей бабушки. Эта метонимия указывает на то, что в романе говорится не только об индивидуальной или семейной истории, но об истории поколений. Эта связь между индивидом и коллективом является необходимым элементом нарратива коллективной травмы. СССР – уже не традиционная для советского символического канона «Родина-мать», но «Родина-бабушка», что означает, что поколение Саши хоть и состоит с советской эпохой в отношениях родства, но эти отношения опосредованы одним – причем отсутствующим – поколением его родителей.

Когда Саша прогуливается по местам, памятным ему с детства, он оказывается перед бетонной плитой, на которой он с отцом имел обыкновение отдыхать. Плита описана как «поверженный памятник», что напоминает о памятниках совет-

²⁰ Прилепин З. Санья. М., 2009. С 45.

²¹ Там же. С. 46.

ским политическим фигурам, которые были разрушены после падения Советского Союза²².

Это лишь несколько примеров создания образа воображаемого имперского тела, протяженного в пространстве и длящегося во времени. Ниже я проанализирую их по отдельности. Я полагаю, что именно образы этих двух разрывов могут создать у читателя представление о том, что исчезновение СССР, которое, как предполагается в романе, привело к появлению этих разрывов, является травматическим событием.

Временной разрыв: разрыв поколений

Все семьи, изображенные в романе, неблагополучны. Бабушки и дедушки, родители и дети существуют на разных экзистенциальных, темпоральных и пространственных уровнях, они почти не общаются друг с другом или их общение нарушено. Например, сашина мать, работающая в ночную смену, редко встречается своего сына, хотя они и живут в одной квартире. Они оставляют друг другу записки на кухонном столе. Общение в деревне также затруднено:

Да, бабушка сидела на лавочке – бесстрастно и недвижимо, казалось, она ничего не видит. И поведение ребенка, его игра, его голос давали понять, что и он не видит, не помнит о сидящей на лавочке бабушке. Бабушка и ребенок словно находились в разных измерениях. (...)

Ребенок недоуменно поднял глаза на Сашу, который обнял и поцеловал бабушку, прижав ее мягкие плечи. Быть может, для ребенка это было так же удивительно, как если бы Саша обнял дерево или угол сарая²³.

Отчуждение бабушки Саши от ребенка достигает в этом абзаце предела, так как ребенок способен принять ее за неодушевленную вещь. Отчуждение, – правда, в меньшей степени, – существует и между ней и Сашей. Саша оставляет без ответа большую часть бабушкиных реплик²⁴. Да и сама бабушка не ожидает от него никакой реакции²⁵. Сашин дедушка также изображен отчужденным: Саша не уверен ни в том, жив ли дед или уже нет, ни в том, видит ли тот его²⁶.

Несмотря на эти коммуникативные разрывы Саша все же способен установить и удержать связь между этими двумя поколениями. Именно он может распознать

²² Там же. С. 56.

²³ Там же. С. 35-36.

²⁴ Там же. С. 38, 39, 51, 57.

²⁵ Там же. С. 38, 43.

²⁶ Там же. С. 50.

лица на старых семейных фотографиях, которые он находит в деревенском доме²⁷.

Сашино знание о жизни дедушки и бабушки не проявляется в непосредственном общении с ними, а в ментальном удержании их образов, в способности воспроизводить их в памяти. Это не действующее, не работающее знание, а знание архивное, объективированное, которое, однако, все же не потеряно, а принадлежит ему.

Идея временного разрыва реализована еще более последовательно в четвертой главе, в сцене похорон сашиного отца. Мотив смерти отца, распространенный в современной российской культуре, может быть проинтерпретирован как метафора упадка империи. Мужская фигура, которая обычно понимается как носитель власти в патриархальной семье, теряет в романе свое значение. Безотцовщина обладает в романе не только личным, но и политическим значением: именно она, по словам Саши, заставляет членов «Союза Созидающих» искать что-то, что могло бы заменить им отсутствующую мужскую фигуру:

(...) ...Безотцовщина в поисках того, кому они нужны как сыновья. Мы – безотцовщина в поисках того, чему мы нужны как сыновья...

Врешь ты. Есть и с отцами «союзники». Но им не нужны отцы... Потому что – какие это отцы... Это не отцы. Поэтому не вру.

А матери?

А что матери? Они знают только то, что сыновья им нужны дома...²⁸

Фигура отца соотносится в тексте со сферой политики, в то время как сфера домашнего хозяйства зарезервирована за фигурой матери. По словам сашиного деда, отсутствие мужчин на похоронах – это знак разрушения традиционного порядка вещей:

– Скоро поедешь-то? Побыл бы... Подожди, пока помру... Скоро помру... Похоронишь хоть. А то бабке одной... Бабы хоронить будут. Нет больше мужиков...
(...)

– Сколько лет прожил, не помню, чтобы бабы кого хоронили... В городе-то есть еще мужики?²⁹

В сцене похорон сашиного отца Саша, его мать и ученик и последователь сашиного отца по университету Алексей Константинович Безлетов пытаются доставить гроб с телом из города в деревню. Сначала они передвигаются на машине, затем, когда машина уже не может проехать дальше из-за глубокого снега в лесу, – они вынуждены идти пешком и нести гроб на своих плечах. Воспоминание об

²⁷ Там же. С. 49.

²⁸ Там же. С. 145.

²⁹ Там же. С. 51.

этих похоронах присутствует в романе в виде сашиного повторяющегося, навязчивого сна. Эта сцена содержит в себе несколько значений: смерть отца как носителя власти, пространственный разрыв между городом и деревней, а также тот факт, что эта сцена помещена в рамках сна, а не описана как непосредственно имеющая место, причем сна повторяющегося, что позволяет проинтерпретировать его как знак возвращения вытесненного, если пользоваться языком психоанализа.

Однако в романе содержится также попытка символического устранения и преодоления этого разрыва. По дороге в деревню, уже в конце романа, Саша и его друзья встречают старика, который открыто высказывает ряд историософских идей относительно русской истории. Эти идеи заслуживают отдельного внимания. Его речь полна интертекстуальных отсылок, главные из которых относятся к идеям народничества, Л. Н. Толстого, Ф. М. Достоевского, Глеба Успенского и Николая Федорова³⁰.

По словам старика, современность полна знамений приближающегося Апокалипсиса. Эти знамения он описывает через оппозицию города и деревни. Деревня изображена как последнее прибежище перед Судным Днем:

Я все жду, когда вы все побежите в деревню, всем народом городским: близится срок-то. Не горит там ничего пока, в городе? Скоро загорится. (...) И говорю вам: скоро побежите все, как поймете, что от вас устали. Но бежать будет некуда: все умерли, кто мог приютить. В сердцах ваших все умерли, и приюта не будет никому...³¹

Его речь содержит в себе два риторических компонента – евангельской апокалиптики («...и говорю вам...», «...близится срок-то...») и деревенского просторечия («...при Пугаче...», «история»), – которые вместе создают типичный для русской литературы XIX-начала XX века образ деревенского мудреца, парадигмальными примерами которых могут служить Платон Каратаев и Тушин из *Войны и мира* Л. Н. Толстого.

Заслуживает внимание и последующая речь старика:

Думают сейчас, что Русь непомерна во временах, вечно была и всегда будет. А Русь, если поделить всю ее на мной прожитый срок, – всего-то семнадцать сроков наберет. На семнадцать стариков вся Русь делится. Первый родился при хазарине еще. Умирая – порвал пуповину второму, что родился спустя семь десятилетий. Третий Святослава помнил... Пятый в усобицу попал, шестой – татарина застал... Двенадцатый в смуту жил, тринадцатый при Разине,

³⁰ Там же. С. 318.

³¹ Там же. С. 319-320.

четырнадцатый при Пугаче... Так до меня дошло быстро: семнадцать стариков – всего ничего. Нас всех можно в эту избу усадить – вот те и вся история...³²

В этом пассаже для обозначения России используется старославянское слово «Русь», то есть термин, который был в ходу до того, как Россия стала империей. Использование этого термина гомогенизирует российскую историю, стирает различия и редуцирует состояние современной России к полу-мифическому примордиализму.

Это образ гомогенной и последовательной российской истории, которая может быть собрана, охвачена и схвачена в одном акте восприятия. В этой картине нет места разрывам: хотя отдельные обозначенные в речи старика переломные пункты и носят трагический характер, сама страна сохраняет свою идентичность как Русь. Русская история изображена как патриархальное сообщество сменяющих друг друга взрослых мужчин. Женщины и дети исключены из этой картины. Мужское доминирование подчеркнуто ссылками на фигуры Разина и Пугачева. Безразмерности России из знаменитой строчки Тютчева противопоставляется ее принципиальная измеримость. Дано даже число: семнадцать стариков. Тут важно подчеркнуть, что в данном фрагменте старик говорит не о своей семье, а об истории целой страны, что также, как и метонимия сашиной семьи, создает предпосылки прочтения Саньки как нарратива о коллективной травме.

Однако, стоит задать вопрос о том, что за социальные группы оказываются затронутыми распадом СССР как событием, приведшим к разрыву поколенческих связей. На первый взгляд кажется, что этим коллективом является поколение Саши и его друзей, ведь они действительно описаны как выключенные из коммуникации с родителями и с дедушками и бабушками. Требуется уточнить, что Саша и его друзья травмированы именно невозможностью коммуницировать со старшими, невозможностью ощутить себя звеном в цепи поколений, а не самим распадом СССР. Распадом советской империи травмированы как раз их дедушки, бабушки и родители. Именно потому, что поколение Саши не испытало распад СССР как личную травму, можно сказать, что это событие является для него травмой коллективной, то есть результатом рассказов о распаде СССР, которые они слышали от старших.

Происходит ли что-то подобное в случае с пространственным разрывом? – На этот вопрос я попытаюсь ответить в следующем разделе.

Пространственный разрыв

Базовая оппозиция романа, связанная с описанием пространства, – оппозиция центра и периферии. Эту оппозицию можно специфицировать как, во-первых,

³² Там же. С. 320.

оппозицию между сашиным городом и деревней, где живут его бабушка и дедушка, во-вторых, как оппозицию между городом, где живет Саша, и Москвой, и в-третьих, между современной Россией и Балтийскими государствами – бывшими республиками Советского Союза. При этом только в последнем случае говорится о различиях этнических. В этом разделе я сконцентрируюсь на первых двух оппозициях и попытаюсь доказать, что Саша изображен как медиатор, посредник между городом и деревней. Затем я обращусь к оппозиции Российской Федерации и Латвии.

На сашину связь с деревней указывает та особая форма его имени, которая помещена на обложку романа. Обычная уменьшительная форма от имени «Александр» была бы «Санька». Форма со смягченным «к» на конце – «Санькя» – имитирует деревенский акцент бабушки и дедушки главного героя: именно так они называют его в романе. Тот факт, что именно эта форма вынесена в название романа, свидетельствует о важности деревни для идентичности героя. Несмотря на то, что Саша живет в городе, время от времени совершает поездки в Москву и приезжает в деревню только раз в год, он изображен как представитель деревни. Наличие деревенского компонента в его идентичности легитимирует его левые националистические взгляды и требования: Саша требует дорефлексивного единства истории и пространства, и если бы он был уверен в том, что его личность обладает таким дорефлексивным единством и постоянством, если бы он был также уверен в том, что он является носителем патриархальным деревенских смыслов, то у него было бы меньше оснований сомневаться в правомерности своих требований единства всей страны. Несмотря на то, что его отец охарактеризован как самый образованный человек в семье Тишиных, самого Сашу вряд ли можно отнести к провинциальной интеллигенции – в романе говорится, что отец не передал ему своих знаний, что он ощущал себя «несусветной дворнягой», «недоучкой», и что получил знания от людей,

(...) которые, как казалось, лучше постигли устройство мира – посредством хотя бы освоения тех печатных источников, до которых у Саши не доходили руки³³.

Скорее Сашу можно называть хранителем памяти крестьянского класса, знакомого с особенностями деревенского жизненного уклада. Классовая память иногда оказывается неотличимой от памяти семейной. Знаком статуса Саши как хранителя памяти является просьба сашиного деда взять себе серебряную ложку после его, деда, смерти, – ложку, которая ранее принадлежала сашиному прадеду³⁴.

Однако этот статус Саши как хранителя не лишен противоречий и двусмысленности. В романе неоднократно подчеркивается одновременно как сашина ос-

³³ Там же. С. 68-69.

³⁴ Там же. С. 51.

ведомленность о деревенской жизни, так и его отчуждение от деревни. Когда Саша приезжает в деревню в первый раз в романе, все кажется ему чуждым³⁵. Затем, когда Саша произносит некоторые фразы, немного меняя в них звуки на деревенский манер, в романе отмечается, что Саша заигрывает «со своей мнимой деревенской породой, которая, если и была, то давно сошла на нет»³⁶. В романе также подчеркивается, что сашина бабушка «не в силах была наделить Сашу чертами его отца, почувствовать в нем свою – отданную отцу и проросшую во внуке – кровь. Саша был отдельным человеком, почти уже отчужденным...»³⁷. Более того, когда Саша говорит с бабушкой, его собственные мысли описаны не в первом лице, а в третьем, что создает ощущение того, что Саша находится где-то в глубине сцены, что он не внедряется, не присутствует в повествовании как полноправный и активный участник действия. Эта литературная техника усиливает причитания бабушки и еще больше увеличивает дистанцию между ней и Сашей. Когда Саша приезжает в деревню со своими друзьями и просит у незнакомого человека трактор, подчеркивается, что Саша говорит громким голосом, как делают городские жители, лишь имитирующие деревенскую манеру говорить, что он не является аутентичным деревенским жителем³⁸. Если в концептуальных спорах Саша выступает сторонником дорефлексивного понимания и действия, о чем будет сказано ниже, в отношении своего собственного пребывания в деревне он предельно рефлексивен. Раздвоенность Саши и является следствием его рефлексивности, осознанности его восприятия деревенской жизни, напоминающей рефлексивность антрополога, занимающегося включенным наблюдением, в том числе и самонаблюдением. Рассмотрим этот мотив подробнее.

Самозтнография

Когда Саша впервые в рамках романного повествования приезжает в деревню, она описана его глазами. Этот способ повествования создает образ Саши как своего рода эксперта, хорошо разбирающегося в специфике деревенского образа жизни, речи и повседневных практик:

«Помрет» бабушка произносила через «е», и оттого слово звучало куда беззащитнее и обреченнее. В нем не было резкости и было увядание³⁹.

Саша не решился войти в избу, где лежал дедушка, и прошел за бабушкой на

³⁵ Там же. С. 33.

³⁶ Там же. С. 53.

³⁷ Там же. С. 43-44.

³⁸ Там же. С. 316.

³⁹ Там же. С. 36.

кухню – она сразу, по хорошей деревенской привычке, начала готовить – без расспросов, которым свой черед⁴⁰.

Бабушка, как это называлось в деревне, «поднесла», и Саня с удовольствием выпил самогона под мяско и картошку, чтоб хоть как-то развеяться⁴¹.

Вот они, сыновья – на другой карточке. Сашин отец – Вася – стоит между бабушкой и дедушкой, белоголовый, или, как здесь в деревне говорят – аляной, – это значит, что волос светлый, как лен, выгоревший на солнце⁴².

Саша понимает то, почему его бабушка и дедушка говорят и действуют определенным образом, однако, словно антрополог, его лирический герой считает необходимым объяснить эту логику читателю, и делая это, он дистанцируется от происходящего. Иногда претензия Саши на аутентичность выражена прямо:

Только один он, Саша, и остался хранителем малого знания о той жизни, что прожили люди, изображенные на чёрно-белых снимках, был хоть каким-то свидетелем их бытия. Не станет бабушки – никто никому не объяснит, кто здесь запечатлен, что за народ – Тишины. Да никто и не спросит, кому надо. Выбросят новые хозяева иконостас в непролазные кусты через дорогу, размоет лица на карточках, и все. Как не было⁴³.

Однако Саша подвергает сомнению ценность этого знания:

Ценно ли знание о том, как провели дедушка и бабушка жизнь свою? Или никчемно оно и не нужно?⁴⁴

Саша не уверен полностью в своей полной принадлежности деревенской сфере: иногда он склонен видеть свою претензию на аутентичность как притворство:

«Нешто на тот берег никто не ходит?» – подумал Саша, сразу поймав себя на том, что бабушкино «нешто» пристало к языку. Но, скорей, он произнес это слово, заигрывая со своей мнимой деревенской породой, которая, если и была, то давно сошла на нет. Даже «нешто» не мог произнести спокойно, не лоя себя за лживый хвост⁴⁵.

Но затем он успокаивает себя, обнаруживая доказательства своей связи с деревенским языком:

⁴⁰ Там же.

⁴¹ Там же. С. 40.

⁴² Там же. С. 48.

⁴³ Там же. С. 49.

⁴⁴ Там же. С. 50.

⁴⁵ Там же. С. 53.

– Лева, отстаньте, – Саша неожиданно перешел на «вы», – «всегда текла», а бабы рожали и рожали, и народу ни разу меньше не становилось. Аккурат на всю страну хватало. – Саша сам удивился, откуда, из какого закоулка детства вылетело это нелепое «аккурат». – И вот теперь вдруг перестало хватать⁴⁶.

Эта неустойчивость может быть понята, если мы рассмотрим сашино отношение к деревенской жизни как своего рода самоэтнографию, при которой он рассматривает себя одновременно и как субъект наблюдения, и в качестве информанта. Он занимает промежуточную позицию между этими двумя мирами и не принадлежит полностью ни тому, ни другому. Он комментирует специфические случаи использования языка и элементы повседневной жизни, но одновременно подвергает сомнению аутентичность своей собственной деревенской природы. Эта раздвоенность особенно важна не только потому, что она создает образ разрыва, но и потому, что она является основой сашиной теории народа, нации и этничности.

В чем состоит эта теория? Первый раз Саша высказывает ее в его первой беседе с Безлетовым:

Я русский. Этого достаточно. Мне не надо никакой идеи⁴⁷.

Он развивает свой аргумент в беседе слевой, настаивая на том, что ключевые категории его мировоззрения расположены вне идеологии, вне рефлексии:

– Ни почва, ни честь, ни победа, ни справедливость – ничто из перечисленного не нуждается в идеологии, Лева! Любовь не нуждается в идеологии. Все, что есть в мире насущного, – все это не требует доказательств и обоснований⁴⁸.

Он далее развивает свою мысль в следующем монологе:

– А дело в том, что есть только родство, и ничего кроме. Понимание того, что происходит в России, основывается не на объеме знаний и не на интеллектуальной казуистике, используя которую можно замылить все, что угодно, любой вопрос, а на чувстве родства, которое прорастает в человеке уже, наверное, в детстве, и потом с ним приходится жить, потому что избавиться от него нельзя. Если ты чувствуешь, что Россия тебе, как у Блока в стихах, жена, значит, ты именно так к ней и относишься, как к жене. Жена в библейском смысле, к которой надо прилепиться, с которой ты повенчан и будешь жить до смерти. Блок это гениально понял – о жене. Мать – это другое – от матерей уходят. И дети другое – они улетают в определенный момент, как ангелы, которых ты взрастил. А жена – это непреложно. Жена – та, которую ты принима-

⁴⁶ Там же. С. 193.

⁴⁷ Там же. С. 71.

⁴⁸ Там же. С. 194.

ешь. Не исследуешь ее, не рассматриваешь с интересом или с неприязнью: кто ты такая, что ты здесь делаешь, нужна ли ты мне, и если нужна – то зачем, но любишь ее, и уже это диктует тебе, как быть. И выбора в этом случае не остается никакого. Неправда, Лева, когда говорят, что жизнь – это всегда выбор. Все истинное само понятие выбора отрицает. Если у тебя любовь, скажем, к женщине, у тебя уже нет выбора. Или она, или ничего. И если у тебя Родина... Здесь так же...⁴⁹

Этот монолог интересен тем, что Саша, который в большинстве споров ограничивается короткими и агрессивными репликами, вдруг произносит монолог, публицистичный по стилю и больше похожий на письменную речь, чем на устную. Стиль этого монолога («интеллектуальной казуистике», «в библейском смысле», ссылка на Блока, а также возможный парафраз известного политического лозунга испанских республиканцев и кубинских революционеров «Родина или смерть» во фразе «Или она, или ничего») резко контрастирует со стилем других сашиних реплик, коротких, обрывистых, агрессивных по духу, и плохо согласуется с присутствующими в тексте характеристиками Саши как человека, не склонного к рефлексии и лишенного культурного и образовательного капитала. Контраст дискурсов – историософского и публицистического, с одной стороны, и агрессивно-антирефлексивного подросткового, с другой, – приводит к тому, что характер Саши как литературного персонажа не выглядит ни как последовательно, основательно и законченно выстроенный, – слишком много в нем несовместимого, – ни как полный надрывных противоречий, какими, например, предстают многие персонажи романов Достоевского, так как в Саньке отсутствует какое-либо обоснование этой противоречивости. Она словно бы существует сама по себе, проявляясь без причины и без повода. Саша описан как человек, не склонный к рефлексии и лишенный систематического и глубокого образования, как самоучка, демонстрирующий при этом часто полуосознанные агрессивные реакции, является однако плотным сгустком плохо сочетающихся друг с другом дискурсов и смыслов, фантомным и мифологизированным по сути персонажем.

Из этого монолога становится также понятно, почему вопрос о том, обладает ли Саша «деревенской породой», так важен для него: его деревенская аутентичность, будучи доказанной, могла бы подтвердить его теорию дорефлексивности понятия нации. Идея дорефлексивности понятия нации, в свою очередь, является основанием сашиней политической борьбы, поэтому если было доказано первое звено, – сашина безусловная и полная принадлежность деревне, – был бы еще раз легитимирован и сашин политический активизм. Однако Саше так и не удастся убедительно доказать себе свою собственную деревенскую аутентичность, поэтому и смысл понятия нации, и смысл его политической борьбы остается не до конца обоснованным:

⁴⁹ Там же. С. 195-196.

Еще думал о том, что сказал Леве о родстве, и спрашивал себя: «А есть ли у тебя самого это самое родство?.. Помнишь, как ты сбежал из своей деревни... Есть родство, ты?»
«Есть. Есть. Только я не знаю слов, чтобы это доказать»⁵⁰.

Самоописания Саши свидетельствуют о том, что он не может ни полностью отказать от рефлексии по поводу базовых понятий своей идеологии, что помогло бы ему обосновать справедливость и правоту его политической борьбы, ни убедительно обосновать свою позицию. Аргументы, которые он приводит, неубедительны по двум причинам: потому что они противоречат, во-первых, в отношении их публицистического стиля, другим его же нарочито резким, обрывочным и агрессивным репликам, во-вторых, данному в романе описанию Саши как человека необразованного; в-третьих, они состоят из клише и штампов, за которыми не ощущается основательно продуманной теории. В итоге эти идеологемы не воспринимаются как выражения мыслей Саши, а выглядят как механическое повторение сказанного кем-то другим. Это означает, что травматические события, о которых говорит Саша, не являются его личным опытом, а представляют собой рассказ или попытку усвоить чужой опыт. Таким образом, описания пространственного разрыва содержат в себе ту же особенность, на которую я уже указал в отношении описаний разрывов временных: травматическим распад СССР является для поколений сашиных родителей и бабушки и дедушки, сам же Саша лишь воспроизводит нарратив и идеологемы о трагичности распада СССР, но не может прокомментировать это событие своими собственными словами.

В психоаналитической теории индивидуальной травмы повторяющиеся действия или фразы рассматриваются как симптомы вытесненного болезненного опыта. Пациент не может самостоятельно осознать этот опыт и облечь его суть в слова, вместо этого постоянно описывая что-то другое. Историчесофские реплики Саши, воспроизводящие клише, напоминают травматизм, каким он описан в психоанализе. Эта особенность романа делает возможным его прочтение как повествования о травме.

Ниже я более детально проанализирую идеологемы нации и этничности, чтобы обосновать еще раз высказанный только что тезис, а затем я специально остановлюсь на сюжете, связанном с описанием Балтийского региона, который важен для понимания сашиней теории нации.

⁵⁰ Там же. С. 200.

Национальный вопрос

В статье «Соматический национализм: теоретизируя постсоветскую этничность в России» Сергей Ушакин описывает смесь теоретических инструментов, которые постсоветские ученые использовали для изобретения новых понятий для описания этнических и национальных вопросов⁵¹. Эта смесь состояла из ряда эссенциалистских, виталистских и органицистских теорий, общим источником которых была немецкая философия XVIII/XIX веков. Ушакин фокусируется на школе этновиталистов из Барнаула, но схожие примеры можно обнаружить и у других российских ученых, воззрения которых базируются на теориях Николая Данилевского, Константина Леонтьева, Освальда Шпенглера, Арнольда Тойнби и Льва Гумилева⁵². Историософия, основанная на учениях этих мыслителей, очень популярна в России. Фигура Гумилева особенно важна для одного из направлений российского цивилизационного национализма – для евразийства. Изначально евразийство было интеллектуальным движением, которое возникло после революции 1917 года и было представлено такими учеными как Николай Трубецкой, Георгий Флоровский, Петр Савицкий⁵³. Советский историк Лев Гумилев продолжил эту традицию и предложил несколько новых концептов нации и этноса, которые он описывал как органические образования. Многие его интуиции были развиты влиятельным националистическим идеологом Александром Дугиным, который играл активную роль в создании и работе Национал-Большевистской Партии в период с 1993 по 1998 годы⁵⁴. Несмотря на такой обширный теоретический бэкграунд и глобальную политическую цель, которая состояла в «создании Империи от Владивостока до Гибралтара на основе Русской цивилизации»⁵⁵, а также на эклектику и изменчивость политических программ партии, главный принцип, который лежал и продолжает лежать в основе идеологических построений партии, как доказывает один из исследователей НБП Михаил Соколов, является эстетическим⁵⁶. Представители партии заявляли о своей готовности к террору, а затем организовывали театральные по своей сути политические

⁵¹ Oushakine S. Somatic Nationalism: Theorizing Post-Soviet Ethnicity In Russia. // In Marx's Shadow: Knowledge, Power, and Intellectuals in Eastern Europe and Russia / Ed. C. Bradatan and S. Oushakine. N.Y. 2010. P. 155-174.

⁵² Laruelle M. The Discipline of Culturology: A New 'Ready-Made Thought' for Russia // Diogenes. 2004. Vol. 51. P. 21-36.

⁵³ История евразийства описана в: Laruelle M. Russian Eurasianism. An Ideology of Empire. Washington D.C., 2008; Russia Between East and West: Scholarly Debates on Eurasianism / Ed. D. Shlapentokh. Leiden, 2007; Глебов С. Евразийство между империй и модерном: история в документах. М., 2010. Лярюэль М. Идеология русского евразийства, или Мысли о величии империи. М., 2004.

⁵⁴ Shenfield. Russian fascism Laruelle M. In the Name of the Nation. Nationalism and Politics in contemporary Russia. N.Y., 2009. Соколов М. Национал-большевистская партия: идеологическая эволюция и политический стиль // Русский национализм: идеология и настроение / Под ред. А. Верховского. М., 2006. С. 139-164.

⁵⁵ Shenfield. Russian fascism P. 214.

⁵⁶ Соколов. Национал-большевистская партия

акции, такие как забрасывание тех или иных политических фигур яйцами или захват символически значимых мест⁵⁷⁵⁸. Один из исследователей русского национализма, Стивен Шенфилд, определяет эту логику политического активизма как «логику парадокса»⁵⁹. Соколов же прибегает к понятию Вальтера Беньямина «эстетизация политики»⁶⁰. Говоря об аудитории, к которой апеллировала НБП и которая была бы способна понять подобный эстетический эклектизм, Михаил Соколов подчеркивает, что

(...) НБП обращалось к тем, кто обладал значительным культурным капиталом, полученным в результате самообразования, но не обладал ни сертификатами, ни знакомствами, необходимыми, чтобы сделать успешную карьеру в поле символического производства⁶¹.

Эти объяснения могут помочь понять некоторые элементы романа Прилепина, участника НБП, которые являют собой примеры как раз такой непоследовательной идеологии, революционной эстетики и энтузиазма.

К анализу этой непоследовательной идеологии я и хотел бы обратиться сейчас. Эта непоследовательность особенно явственно обнаруживает себя в двух беседах Саши с Безлетовым⁶² и в его беседе в Левой⁶³. Во всех этих трех беседах Саша сталкивается с запутанными идеями нации и этничности, которые озвучивают его собеседники. В первой беседе⁶⁴ Безлетов развивает эссенциалистский аргумент о России и русской национальной идентичности, который очень похож на теории немецких романтиков:

Истинный русский человек – это носитель взыскующего духа, нищий духом, – Безлетов нарочито часто повторял слово «дух», каждый раз усиливая повторение голосом, – человек, взыскующий правды⁶⁵.

По мысли Безлетова, «русскость» – это привилегия, которой не обладают все граждане Российской Федерации:

(...) в наши дни русскость не является достоянием всех, рас-се-яне растеряли свою русскость. Она еще сохраняется в конкретных людях, как вполне опре-

⁵⁷ Там же. С. 142.

⁵⁸ Безлетов дает характеристику «Союза Созидающих», сходную с описанием НБП Соколовым: « – А с чего ты взял, что я вас считаю фашистами? – едко спросил Безлетов. – Поначалу было опасение, но быстро прошло. Вы не фашисты. Вы хулиганье. Вы никогда не дотянете до фашистов. В лучшем случае, вы можете их плохо изобразить.» (Там же. С. 264).

⁵⁹ Shenfield. Russian fascism P. 210.

⁶⁰ Соколов. Национал-большевистская партия С. 147.

⁶¹ Там же. С. 156.

⁶² Прилепин. Санька. С. 71-75, 260-268.

⁶³ Там же. С. 195-196.

⁶⁴ Там же. С. 71-75.

⁶⁵ Там же. С. 75.

деленное духовное начало, и, дай Бог, сохранится еще какое-то время. Быть может, несколько столетий⁶⁶.

В этом пассаже Безлетов играет с различием между двумя однокоренными словами – «русский» и «российский», давая понять, что он не принимает второго. Вызывает удивление, что Саша характеризует Безлетова как либерала, так как идея нации как сообщества, основанного на крови, родстве или духе, – не является признаком либерализма. Либеральные идеологии основаны на идее нации как общества граждан, без каких бы то ни было расово-этнических коннотаций. Неаккуратность Саши в употреблении терминов может быть прочитана как знак эклектичности его идеологии, нечувствительной, возможно, намеренно, к тонким различиям и определениям. Он несколько раз настойчиво отказывается развивать свои идеи, и его убеждение в самоочевидности некоторых базовых концептов усиливает эффект эклектики:

[Безлетов] – Вопрос как раз короткий... Хорошо, вот вы просите: «Подайте нам национальную идею...»

«Вот как он заговорил...» – быстро подумал Саша и сразу оборвал Безлетова:

[Саша] – Мы не просим. Я не прошу. Я русский. Этого достаточно. Мне не надо никакой идеи.

(...)

[Саша] – Я сказал, что не нуждаюсь ни в каких национальных идеях. Понимаете? Мне не нужна ни эстетическая, ни моральная основа для того, чтобы любить свою мать или помнить отца...

[Безлетов] – Я понимаю. Но зачем ты тогда вступил в эту... в партию вашу?

[Саша] – А она тоже не нуждается в идеях. Она нуждается в своей родине⁶⁷.

Если Безлетов изображен как пессимист, который верит в то, что русская нация уже исчезла, взгляд Левы полностью противоположный: с точки зрения последнего, русская нация только начинает появляться:

– Саша, голубчик, ты меня упрощаешь, – сказал Лева, – напротив, нация есть – она просто жаждет освобождения. Не нужно создавать новой нации, нет. И не нужно заселять страну чужаками. И не нужно самим уходить в резервации, чтобы сберечься. У нас уже есть народ. Но не тот, что бьет себя в грудь и кричит про «Рас-сею». Те, кто кричат, – они, в сущности, чужаки. Нахлебники. Народ – другой. «Новый- хорошо-забытый-старый», я бы его назвал. Понимаешь? Вот те люди, что мирно сеют и мирно пашут, и всех видели в гробу – и «почвенников», и «космополитов» – потому что они только мешают пахать и сеять. (...)

⁶⁶ Там же. С. 74.

⁶⁷ Там же. С.71.

– Саша, я который раз тебе повторяю – нужно вырваться из этого круга, отрицать и «славянофилов», и «западников», и остаться в изначальном виде, без всего этого наносного...⁶⁸

Аргумент Левы непоследователен: с одной стороны, он доказывает, что нужно отказаться от интеллектуальных концептов, чтобы получить доступ к примордиалистской и самоочевидной сущности – «народу», – и в этом он очень близок сашиному антиинтеллектуализму, – с другой стороны его образ «народа» конвенционален и близок тому, как народ описывали почвенники, которых он критикует. Его взгляд на жителей России близок ориенталистическому видению подчиненных колониальному правлению: он стереотипен и абстрактен. Россияне, по словам Левы, – те, кто «пашет и сеет». Россияне метонимично описаны посредством этого конвенционального образа российского крестьянина, который заимствован из русской литературы XIX века.

Более того, когда Лева излагает свою идею, Саша вдруг предает свою веру в самоочевидность базовых понятий и доказывает, что теории, несмотря на свою искусственность, все же важны:

– Саша, я который раз тебе повторяю – нужно вырваться из этого круга, отрицать и «славянофилов», и «западников», и остаться в изначальном виде, без всего этого наносного...

– Что нанесла русская история за тысячу лет, – закончил Сашка в тон Леве, в сотый раз удивляясь нездоровому обилию буквы «с» в русском языке.

– Это отдельный вопрос, Саша, что она нанесла. Очень много для того, чтобы помочь постичь мир, но очень мало для того, чтобы жить в этом мире.

– А мне хорошо живется⁶⁹.

Когда Саша оказывается вынужденным сформулировать свои политические цели, он заявляет, что он

(...) готов жить при любой власти, если эта власть обеспечивает сохранность территории и воспроизведение населения. Нынешняя власть не обеспечивает. Вот и вся разница⁷⁰.

Коллега Безлетова, Аркадий Сергеевич, выдвигает контраргумент, заявляя, что в действительности власти в России уже заняты воплощением этого идеала в действительность:

⁶⁸ Там же. С. 191-192.

⁶⁹ Там же. С. 192.

⁷⁰ Там же. С. 195.

– Раскрой глаза и увидишь сам, Саня, – влюбленно суживая глазки, ответил Аркадий Сергеевич. – Россия не вынесет еще одной ломки – сама разломится на части – и уже никаким совком ее не собрать тогда. Что еще держит всю это громадину на полконтинента, посуди сам? Ни общего Бога, ни веры в будущее, ни общих надежд, ни общего отчаянья – ничего нет, ни одной скрепы! Только власть! Да, да, Саня, вижу твое негодование. – Саша в это время любовно смотрел на бутерброд с икрой. – Но это правда. Дурная, косноязычная, лживая – но всё-таки хоть немного русская, хоть чуть-чуть вменяемая. Там хорошие есть мужики, Саня, они все понимают, все. Мужики, которые колхозы поднимали своими руками, заводы возводили – вот те самые, старой закваски – они все постепенно вернулись во власть. Они потихоньку, понемногу выправят все, вылезут из ухабины и нас вывезут, Саня...⁷¹

Логика Саши основана, таким образом, на вере в то, что «наносное» стало внутренним, культура стала природой, идеология стала самоочевидной, и что примордиалистские базовые концепты даны человеческому сознанию с самого начала. Противоречивым оказывается отношение Саши не только к его деревенской «природе», но и к базовым понятиям его мировоззрения. Саша пытается говорить о том и другом как о дорефлексивных сущностях, но невольно признает их сконструированность и искусственность.

Национальные вопросы, описанные выше, имеют еще одно измерение – мотив связи Российской и Советской империи с Балтийским регионом, с Латвией в частности.

Балтийский регион

Отношение персонажей Саньки к Балтийскому региону и этнически русскому населению, проживающему на его территории, является еще одним примером конструирования образа имперского тела. После 1991 года русское население Латвии, Литвы и Эстонии сократилось, однако эти страны не стали моноэтническими. В период между 1999 и 2002 годами в Латвии проживало 29,6% русских, в Литве 6,3%, в Эстонии 25,6%⁷². В настоящее время присутствие этнических русских в регионе привлекает внимание как российских политиков, так и представителей российских неофициальных консервативно настроенных сообществ. В частности, русские ветераны Второй Мировой Войны, проживающие в Балтийском регионе, очень часто представлены в российских медиа как жертвы правительств Балтийских государств, в повестку дня которых входит стремление избавиться от коммунистического наследия и отказ от любых форм символической коммемора-

⁷¹ Там же. С. 266.

⁷² Вишневецкая Н. Т. Миграция в постсоветской России // Наследие империй и будущее России. / Под ред. А. Миллера. М., 2008. С. 340-378.

ции советского времени, которое рассматривается ими как колониальный период в истории этих стран.

Одна из целей Национал-Большевистской Партии – защита русского населения на территории бывшего Советского Союза и последующее «восстановление империи».⁷³ Этот империалистский и колониальный мотив присутствует в Саньке, но, как я собираюсь показать ниже, он непоследователен и двусмысленен, потому что персонажи романа рассматривают Балтийский регион одновременно и как часть Советского пространства, и как территорию другого, чужого государства, в некоторых отношениях занимающего более высокое положение по отношению к Российской Федерации.

Балтийский регион упоминается в романе когда Саша и его друзья говорят про Безлетова после первой встречи с ним. Когда один из его друзей, Алексей Рогов, говорит, что убивать граждан своей страны более честно, чем убивать граждан чужой страны, он исходит из допущения о том, что граждане Балтийского региона являются «советскими гражданами», то есть «своими»:

- У него Безлетов фамилия?.. – переспросил Рогов и, не ожидая ответа, сказал:
- Ну и что, это плохо? Честнее своих резать, чем в соседние страны лезть с ногами.
- А мы не лезли, да?
- Ну, одно дело вывезти на Камчатку товарный вагон прибалтов, которые, не явись красноармеец в ушанке, легли бы под Гитлера, а другое – сбросить бомбу на город с детьми и всех сразу убить. Разница есть?
- Есть.
- Мы режем друг друга, потому что одни в России понимают правду так, а вторые – иначе. Это и резня, и постижение.
- Постигение, да, – повторил Саша, – такое постижение, что...
- Такое, да⁷⁴.

Колониальная практика советских солдат, стереотипно описанных при помощи метонимии «красноармейца в ушанке», оправдывается через указание на их охранительную функцию по отношению к «слабым» жителям Балтийского региона, склонных к предательству, и через указание на отличие такого рода защитной миссии от стереотипно же изображенного американского способа ведения войны. Кроме того, масштаб действий, произведенных советской армией, приуменьшается за счет использования единственного числа слова «товарный вагон».

⁷³ НБП: вопросы и ответы. 2006. http://theory.nazbol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=68:2009-04-16-12-59-54&catid=31:general&Itemid=27 (Последнее посещение: 17 июня 2011 г. Попытка обращения к этой ссылке 4 мая 2013 была неудачной. Копия страницы на 27 августа 2011 года доступна по адресу: http://web.archive.org/web/20110827142114/http://theory.nazbol.ru/index.php?option=com_content&view=article&id=68:2009-04-16-12-59-54&catid=31:general&Itemid=27. Последнее посещение копии: 4 мая 2013 г.).

⁷⁴ Прилепин. Санька. С. 78.

Контраргумент, который содержится в этой же беседе, а именно, упоминание вторжения советских войск в Афганистан, остается без ответа.

Далее, Балтийский регион репрезентирован как область, в которой «их» юридическая система выступает против «наших» ветеранов:

Скоро Девятое мая, а их поганая охранка затеяла более ста уголовных дел по русским ветеранам Второй мировой, живущих в гордой прибалтийской стране. «Стараются к празднику», – сказал Матвей. Нескольких уже посадили как «бывших оккупантов». Двое из стариков умерли в тюрьме. Нужно устроить там, прямо в центре Риги, бучу, дожидаться журналистов, желательно европейских, и потребовать прекратить этот беспредел. Никто, кроме «союзников», не собирается ничего делать⁷⁵.

Когда Прилепин описывает сашино пребывание в Риге, он подчеркивает его повышенное внимание к архитектурным и бытовым деталям иностранного города: к латышскому языку, красоте и чистоте, цветам домов, небольшому масштабу самого города⁷⁶. Эти описания демонстрируют то, что Саша осознает свое отчуждение от Риги, что легитимирует его отношение к другому государству как государству «их», которые не любят и подавляют «нас».

Персонажи романа неоднозначно относятся к Балтийскому региону: регион все еще принадлежит воображаемому имперскому телу Советской Империи, должен быть предметом заботы, но в то же время он чужероден и недружелюбен по отношению к этническим русским, он занимает более высокое положение по сравнению с Россией в отношении материального прогресса, культурных достижений и ее воображаемой принадлежности к Европе. Роман оставляет эти противоречия неразрешенными, что добавляет к образу постсоветского разрыва на уровне времени и пространства еще и образ разрыва на основе национально-этнических вопросов.

Заключение

Санька Захара Прилепина содержит отсылки к истории как дореволюционной России, так и Советского Союза как централизованных государств, неделимых в пространстве и устойчивых во времени, базирующихся на неравном распределении власти, в том числе на основе национальных и этнических различий. Распад СССР описан как значимое событие в истории страны, которое разрывает существовавшие ранее пространственные, поколенческие, социальные связи. Текст романа содержит указания на то, что это событие трагическое и травматическое.

⁷⁵ Там же. С. 150-151.

⁷⁶ Там же. С. 230-250.

Главный персонаж романа Саша Тишин занимает промежуточную позицию между всеми вышеперечисленными элементами этого разрыва: между деревней и городом, являясь одновременно этнографом и информантом, между поколением его бабушки и дедушки и своим поколением, между русской территорией и территорией бывших советских республик Балтийского региона. Во всех случаях он испытывает одновременно чувство принадлежности и отчуждения, однако он сам не артикулирует этот разрыв, но скорее демонстрирует дезориентированность, вызванную этим разрывом. Об этой дезориентированности свидетельствует его агрессия и в большинстве случаев враждебность по отношению к рефлексивности.

Помимо этого, роман выстраивается как повествование о последствиях распада СССР, которые затрагивают не только отдельных персонажей романа, но и целые социальные группы, к которым они принадлежат. Роман выстраивает образ непоправимого распада былых связей и крушения единства, которое для этих социальных групп и поколений было органичным. Поколения, имевшего непосредственный опыт как единства и связей, так и их разрушения и распада, – это поколения сашиных дедушки и бабушки и его родителей. Они описаны как непосредственным образом затронутые распадом. Однако затронуты распадом и представители другого поколения, поколение Саши и его друзей. О том, что распад СССР, который они не пережили как личную травму, касается и их, можно судить по их на первый взгляд необоснованной и безадресной обиде и агрессии, а также на основании того, что они не способны ни артикулировать причины этих эмоциональных состояний, ни указать на то, как они пришли к мировоззренческим позициям, которые они занимают в романе. Если же они пытаются артикулировать свою позицию, то делают это при помощи ряда клише, которые часто плохо согласуются друг с другом и не вскрывают аналитически суть или причины сложившейся ситуации. Публицистическая и философская риторика отдельных реплик персонажей подталкивает читателя к тому, чтобы принимать их аргументы всерьез, однако попытка реконструировать их идейный базис оказывается неудачной, так как за ними не удастся увидеть действительно продуманной позиции. В результате создается впечатление, что эти на первый взгляд рефлексивные реплики являются повторением одного и того же, смысл которого – не в описании и анализе, но в самом повторении. Историческая лексика, использованная в романе, создает лишь иллюзию рефлексивного подхода персонажей к ситуации, в которой они находятся. Эта риторика не усиливает идеологические положения, высказываемые персонажами, но, напротив, ослабляет их своей непоследовательностью.